

Глава 32. Деревенские толки

Хоть семья Ли и обзавелась мулом, Ли Чжоучжоу и Син-гэ'эр по-прежнему предпочитали ходить в городок пешком. Покупки предстояли невеликие: немного ткани да свежая вата — с такими корзинами за плечами и идти было легче, и телега ни к чему.

Оказавшись в лавке, Син-гэ'эр первым делом присмотрел для маленького Юаньюаня кусок ярко-алого полотна.

— Гляди, какой сочный цвет! — восхитился он. — К празднику самое то.

Он повернулся к Чжоучжоу:

— Может, и тебе взять красный?

Ли Чжоучжоу в сомнении покачал головой. Красный хорош для малых деток да для новобрачных, а в будни он казался слишком кричащим. Да и для пожилого человека такой наряд не годился — не по возрасту, да и марко.

Услышав их разговор, приказчик снял с полки рулон густо-фиолетовой ткани.

— А на это что скажете?

— Можно потрогать? — спросил Чжоучжоу.

— Разумеется, — приказчик ловко отмерил локоть и протянул гостям. — Эту партию только на днях из области привезли, там она нарасхват. Старые госпожи этот цвет очень жалуют. Сами посмотрите: и солидно, и глаз радует. Для ватной кофты — лучше не придумаешь, бабушка ваша точно будет довольна.

Юноша коснулся ткани — она была мягче и плотнее алого шелка, а значит, и дороже. Син-гэ'эр тоже приложил руку к фиолетовому полотну и ахнул:

— Ох, какая нежная! Верно, недешево стоит?

— У вас добрый вкус, — польстил им лавочник. — Этот отрез дороже красного всего на пять вэней. Если на короткую кофту брать, то одного чжана хватит за глаза. Еще и на повязку останется. В почтенном возрасте голову в тепле держать надо, чтоб от ветра не ломило. Будет целый набор, любо-дорого посмотреть!

Пять вэней — цена за каждый чи, а значит, целый чжан обходился на пятьдесят вэней дороже.

Син-гэ'эр тут же одернул руку и зашептал другу:

— Слишком дорого. Давай алый возьмем, а лучше вон тот, цвета индиго. Если покажется скучно, вышьешь что-нибудь, и будет нарядно.

— Пожалуй, ты прав, — кивнул Чжоучжоу.

Приказчик, почуяв, что сделка может сорваться, затараторил:

— Раз уж вам так приглянулось, уступлю один вэнь!

— Два, — твердо отрезал Чжоучжоу. Лицо его оставалось бесстрастным, а взгляд уже скользил по темно-синим рулонам. — Или давайте ту, что цвета индиго.

— Уступлю два, если возьмете эту! — сдался приказчик. — Идет?

— Идет. Отрежьте один чжан фиолетовой, два чжана индиго и еще два — черной ткани.

Услышав о таком объеме, работник лавки просиял. Скидка в два вэня укладывалась в дозволенное хозяином, а выручка выходила знатная. Он тут же защелкал ножницами.

Син-гэ'эр только глазами хлопал:

— Зачем тебе столько?

— У отца кофта совсем истерлась, третий год носит. Всё равно кроить буду, так уж всем сразу обновки сошью.

Приятель и спрашивать не стал, для кого предназначалось индиго — ясно, что для Учёного Гу. Купив ткань и красные нитки — Чжоучжоу решил вышить на подарке иероглиф «счастье», — друзья заглянули за ватой, набрали сладостей и отправились в обратный путь.

Только они вышли за околицу, как сзади послышался скрип телеги.

— Голос точь-в-точь как у моего батюшки, — прислушался Син-гэ'эр.

Обернулись — и верно: по дороге неспешно катилась повозка Ли Эра. В телеге сидела Лю Хуасян, а вот сына их, Ли Гуанцзуна, рядом не было.

— Гляди-ка, там Син-гэ'эр и Чжоучжоу! — толкнула мужа тётка.

Второй Ли придержал быка:

— В городок ходили? А ну, подсаживайтесь, довезу до деревни.

Син-гэ'эр без лишних слов забросил корзину в телегу и потянул за собой друга:

— Давай, Чжоучжоу, не скромничай.

— Я пешком дойду, незачем быка утомлять, — попытался отказаться тот.

Но тётя проявила небывалое радушие. Она сама соскочила на землю и усадила Ли Чжоучжоу на свое место:

— Я и так всю дорогу сидела, кости затекли. Пройдусь немного, разомнусь, а вы отдохайте.

— И то верно, — поддержал её муж, тоже спрыгивая с козел.

Лю Хуасян так и сияла. Шагая рядом с повозкой, она с гордостью объявила:

— А наш-то Гуанцзун в городе остался!

— Оттого-то его и не видно, — догадался Чжоучжоу.

Ли Эр расплылся в улыбке, обнажив зубы:

— Брат сказал, Гуанцзун — парень сметливый, пристроит его счетоводству учиться.

— Да, — подхватила жена. — Нечего ему на пашне спину гнуть. Будет сидеть в тепле, костяшками на счетах щелкать. Больше двадцати лянов в год зарабатывать — шутка ли!

Син-гэ'эр заметил, что и тюков с вещами поубавилось — видимо, всё добро кузена в городе оставили.

Ли Чжоучжоу понимал, как важно для них это событие, и потому охотно поддакивал:

— Дело доброе. Работа чистая, да и жалованье знатное.

— Еще бы! Гуанцзун у нас с пеленок шустрый, в пять лет уже на деревья лазил...

Лю Хуасян не умолкала до самой деревни. Стоило им въехать в Сипин, как она стала рассказывать каждому встречному: мол, сын теперь городской житель, учится у дяди, и скоро заберет родителей к себе на покой и почет. Деревенские кумушки охали и ахали, превознося удачу Ли Гуанцзуна.

Слова соседней тешили её самолюбие куда больше, чем вежливость Ли Чжоучжоу. Она так расплылась в улыбке, что десны наружу вылезли. В тот день она даже обед варить не стала — сладость похвал была сытнее любой еды.

Син-гэ'эр тоже был рад. Если кузен в люди выбьется, то и его родной дом станет весомее, а значит, и в семье мужа его голос будет звучать громче.

К вечеру вся деревня только и обсуждала, что Ли Гуанцзун не зря рис в город возил — теперь-то понятно, ради чего столько лет Второму Ли кланяться брату приходилось. Конечно, вспомнили и старые обиды семьи Ли, жалея Ли Да, но теперь в этой жалости не было прежнего превосходства. Ведь Ли Да в этом году и сам урожаем прославился, и мула купил, и дом у него полная чаша. Да и счетоводство в городе — дело такое... Вон, приказчики в лавках перед хозяевами дышать боятся, а Ли Да на своей земле сам себе господин. С таким урожаем, как нынче, никакая городская жизнь не нужна.

Ли Чжоучжоу об успехах кузена не помышлял. Умывшись и забравшись под теплое одеяло, он ластился к мужу:

— Сянгун, напиши мне завтра иероглиф «счастье». Сошью бабушке кофту с застежкой посередине, а на обеих полках вышью по половине знака, чтобы, когда она застегнется, получился целый иероглиф. Как думаешь, красиво будет?

— Очень красиво, — Гу Чжао обнял мужа и поцеловал в макушку. — Какой ты у меня затейник. Только не торопись, глаза не порти. Если будет трудно, можно просто узор из облаков по краям пустить.

Чжоучжоу улыбнулся:

— До праздника еще десять дней, а в поле сейчас пусто. Успею и «счастье» вышить, и облака — с ними и правда будет наряднее.

Гу Чжао только вздохнул. Он-то хотел, чтобы супруг поменьше трудился.

— Ладно, тогда хозяйство на мне, — он шутливо заерзал под боком у Чжоучжоу. — Твой Чжао-эр так хочет покормить свиней и кур! Ну позволь мне, а?

Ли Чжоучжоу рассмеялся, глаза его превратились в два полумесяца.

— Хорошо, всё на тебя оставлю.

А сам подумал: «Траву я уже накошил, в птичнике и свинарнике прибрал — мужу останется только кормушки наполнить, пусть тешится».

Наутро Чжоучжоу встал с первыми лучами, затопил печь и поставил вариться кашу. В этом году риса оставили вдоволь, свежее зерно пахло изумительно — Гу Чжао такую кашу очень любил. Раньше Ли Да и Чжоучжоу белого риса почти не видели, всё просо ели, а рис продавали до последнего зернышка. Даже когда дом новый поставили, оставляли лишь крохи, чтобы смешивать с грубой крупой. Теперь же стол их преобразился.

Пока наваристая рисовая каша томилась в котле, пуская густую пенку, Ли Чжоучжоу успел почистить птичник и свинарник, а навоз снес в яму для удобрений. Когда Гу Чжао проснулся, его уже ждало ведро с запаренными отрубями.

— Вкусно как! — пробормотал Гу Чжао, уплетая кашу за обе щеки.

— Раз риса вдоволь, завтра сварю всухомятку, — пообещал Чжоучжоу. — Без всякого проса, только новый урожай.

— И полпетуха потуши, — подал голос Ли Да.

Сын согласно кивнул.

После завтрака Ли Да отправился за хворостом. К холодам нужно было запастись топливом — и Гу Чжао тепло любил, и печи топить часто приходилось. Чжоучжоу же, собрав корзинку с шитьем, поспешил к Син-гэ'эру, а Гу Чжао остался дома — и за воротами присмотреть, и книги почитать.

В доме Ванов Чжоучжоу встретили приветливо. Свекровь Син-гэ'эра тут же принесла свою старую кофту для мерки. Мужчины семьи Ван даже вынесли стол во двор, чтобы шить было удобнее.

Син-гэ'эр, его свекровь и Чжоучжоу принялись за работу. Старшая невестка, госпожа Сюй, сидела рядом со своим шитьем. Она была женщиной бережливой: детей своих одевала в обноски с заплатами, пока те совсем не расползались. Раньше свекровь хвалила её за такую экономию, но нынче, глядя на внуков в заплатанных рубахах, только хмурилась. При таком урожае ходить в лохмотьях было уже стыдно.

— Слушай, жена старшего, — обратилась свекровь к невестке. — Урожай нынче добрый, я твоему мужу серебра на пол-ляна больше выдала. Купила бы ты ткани да сшила детям новые наряды.

— Ни к чему это, матушка, — отмахнулась Сюй. — Старое еще крепкое, на что деньги тратить?

Свекровь недовольно поджала губы, но при Чжоучжоу спорить не стала.

«Ишь, — подумала она, — будто я мачеха какая, что куска хлеба лишу. Экономит она... Неужто думает, что я обделю их при разделе?»

Деревенские женщины обычно носили короткие куртки и юбки, чтобы удобнее было в поле работать. Ли Чжоучжоу же, заметив в городке нарядных старушек, решил сделать кофту с застежкой посередине.

— Какая ткань знатная, — похвалила свекровь, коснувшись фиолетового полотна.

— Еще бы, — вставил Син-гэ'эр. — На пять вэней дороже алого. Чжоучжоу для бабушки мужа ничего не пожалел.

— Почтительный он ребенок, — заключила старая женщина.

Ли Чжоучжоу никогда не шил женских вещей, так что советы тётушки Ван были как нельзя кстати. Она учила его кроить так, чтобы одежда не стесняла движений — говорят, в старости тоже хочется быть нарядной, только крой должен быть посвободнее. К обеду раскрой был закончен.

Чжоучжоу оставил шитье у Син-гэ'эра и поспешил домой. У ворот его встретил Гу Чжао с сияющим видом.

— Сянгун, неужто ты сам воду принес?

Гу Чжао подставил голову:

— Погладь меня, я был очень послушным.

Ли Чжоучжоу рассмеялся и ласково потрепал мужа по волосам.

— Половину сам донес, а остальное дядюшки помогли, — признался Гу Чжао. — Сказали, нечего ученому тяжести таскать.

— Тебя все любят, — улыбнулся Чжоучжоу.

Войдя в кухню, Гу Чжао принялся раздувать огонь.

— Это не меня любят, — рассудил он, — а урожай добрый. Когда в закромах полно, у людей и на сердце теплеет, и улыбка сама на лицо просится.

— И то верно. Сегодня тётушка Ван со мной первая поздоровалась, хоть и косилась по привычке.

Ли Чжоучжоу знал, что соседка недолюбливала их семью из-за истории с печью, но после удачного урожая даже она сменила гнев на милость.

— У неё пять му заливных земель, — заметил Гу Чжао. — Теперь в кошельке звенит, так что обиду таить ей недосуг. Хотя лучше нам с ней по-прежнему на расстоянии держаться.

Дни летели за днями. Чжоучжоу вышивал иероглиф «счастье» четыре дня, тщательно укладывая каждый стежок. Гу Чжао специально нарисовал его округлым и полным — на радость старушке. Свекровь Син-гэ'эра, глядя на работу, не уставала хвалить: «Истинно благодатный знак, радость в дом принесет».

Вдохновившись, Син-гэ'эр тоже решил сшить свекрови кофту, а та, хоть и ворчала для виду о тратах, втайне была очень польщена. Видя такое соревнование в почтительности, даже невестка Сюй поехала в город за тканью на юбку для свекрови. Вышло целое состязание.

Когда кофта была готова, Чжоучжоу решил, что налобную повязку доделает дома.

— Как бы не вышло разлада между Син-гэ'эром и его невесткой из-за моих затей, — с тревогой делился он с мужем.

Гу Чжао только ласково разминал усталые пальцы супруга:

— Не тревожься. В семье Ванов старики люди справедливые, зазря обижать никого не станут. Раз уж наш способ удобрения помог всей деревне, сейчас к нам все относятся по-доброму. А соперничество невесток — дело житейское.

В конце месяца снова прибежал Те-дань: звал на пир в начале декабря. Гу Чжао и Ли Чжоучжоу, собрав подарки, отправились в деревню Дунпин.

Для новоселья приготовили голову сахара и кувшин вина, обернув красной бумагой двадцать вэней — подарок вышел солидный. Для юбилея бабушки Чжоучжоу припас кофту, повязку и тридцать вэней.

Дом Гу Сы преобразился. К старой горнице пристроили комнаты, обновили кухню и амбар. Хоть стены были из самана, а крыша черепичная, на фоне старых построек дом выглядел внушительно. Во дворе уже расставляли столы, а в самодельной печи скворчало мясо.

Подарки приняла Ли Гуйхуа. Забрав корзину и деньги, она жадно косилась на пухлый сверток в руках Гу Чжао.

— Это подарок для бабушки, — громко объявил он при свидетелях.

Мачеха только криво усмехнулась.

Дом старшего дяди был неподалеку. У ворот друзья увидели госпожу Чжу, которая с сердитым видом развешивала белье. Сердилась она не зря: Гу Сы подговорил брата объединить расходы на пир — мол, и дом обмоем, и матери шестьдесят лет справим. Старший дядя согласился, а теперь выходило, что все лавры достались младшему брату, хоть деньги платили пополам.

В горнице старая госпожа Гу сидела на кане, тяжело вздыхая. Она уже поняла, что младший сын не столько о ней печется, сколько о своем престиже.

— Матушка, Чжао-эр с Чжоучжоу пришли! — крикнула тётка Чжу.

Старушка встrepенулась. Увидев внука, она тут же залилась слезами:

— Ох, Чжао-эр мой! Наконец-то пришел!

Она спустилась с кана, ощупала плечи внука:

— Вырос-то как, возмужал...

— Бабушка, простите меня, — Гу Чжао нежно усадил старушку. — Боялся, что вы всё еще сердитесь. А это мой Чжоучжоу.

Чжоучжоу, робея, поклонился.

Старая госпожа Гу посмотрела на него. В её глазах Ли Чжоучжоу совсем не походил на гэ'эра — статный, крепкий. Раньше бы она неодобрительно поджала губы, но после обид от родного сына её сердце смягчилось.

— Хороший ребенок, — пробормотала она.

Гу Чжао развернул подарок. Тётка Чжу так и ахнула:

— Ох, какая работа! Матушка, глядите, вещь-то дорогая. Наденьте на пир, пусть все видят.

— Да куда мне, — заскромничала бабушка Гу. — Я же простая старуха деревенская, к чему наряжаться? Не пойду я никуда.

— Как это не пойдете? — всполошилась невестка. — Мы же деньги за ужин уже отдали, чего добру пропадать?

Старушка только горестно вздохнула. Ли Чжоучжоу растерянно посмотрел на мужа. Гу Чжао легонько сжал его руку. Он подошел к бабушке и принялся ластиться:

— Бабушка, ну как же не пойдете? Глядите, какая кофта — в городке самые знатные дамы такие носят. Вы в ней в нашей деревне первая будете! А этот иероглиф я сам писал, Чжоучжоу ночей не спал, вышивал...

Сладкие речи Гу Чжао быстро сделали свое дело. Старушка коснулась ткани, погладила вышивку.

— Цвет-то какой... Истинно благородный.

— Приказчик сказывал — из самой области привезли, — добавил Чжоучжоу.

Бабушка заметно приободрилась. Даже госпожа Чжу не могла оторвать глаз от узоров.

— Матушка, примерьте! Ох и завидовать же вам будут...

— Ладно, неси мою черную юбку, — скомандовала старая госпожа Гу.

Пока женщины переодевались, Гу Чжао с Чжоучжоу вышли во двор. Вскоре из дома вышла бабушка Гу — в новой кофте и налобной повязке. Спина её выпрямилась, а взгляд посветлел.

— Идемте! — распорядилась она. — Старший сын ради меня ничего не пожалел, и внук с подарком уважил. Пусть все видят, какая у меня семья почтительная!